

Глава 30. Укрощение реки

После нескольких дней передышки, когда были составлены списки беженцев из всех округов и уездов, обеспечены кровом и пищей нуждающиеся, а приболевшие — определены под надзор лекарей, Жун Цунцзинь ввёл строгое правило: воду для питья и варки каши обязательно кипятить. Люди поначалу лишь недоумённо пожимали плечами, не понимая смысла такой прихоти, но приказы его были суровы, и подчинённым не оставалось ничего иного, кроме как повиноваться.

К тому же большая вода постепенно отступала, и найти сухой хворост теперь не составляло труда.

Над лагерем плыл аромат свежей каши. Ласковое солнце золотило водную гладь, и лёгкий ветерок гнал по ней искристую рябь, похожую на россыпь битого золота. Среди этого сияния двигалась стройная, высокая фигура. Жун Цунцзинь, облачённый в чёрное дорожное одеяние с узкими рукавами, шёл вброд, не обращая внимания на намокший подол. Погода становилась всё жарче — в Ичжоу зной был куда нестерпимее, чем в Ванцзине, и влага на ткани испарялась меньше чем за полчаса.

— Господин Цун, — завидев его ещё издали, из-за синего полога шатра вышел старик и почтительно поклонился, сложив руки.

— Отец, не стоит церемоний, — Жун Цунцзинь поспешил поддержать его под локоть и негромко спросил: — Как дела в шатрах? Нет ли новых больных?

— Всё хорошо, ваша милость. Вы велели поставить шатры на высокие настилы, так что вода до нас не добирается, — старик улыбнулся, обнажив редкие зубы. — Вот Сяо Саныцзы пару ночей назад занемог, жар у него был, так мы сразу стражникам сказали. Его вмиг в лечебницу отвезли. И вот, смотрите — уже вернулся, за раз по две чашки каши уплетает.

— Вот и славно, — с улыбкой отозвался Жун Цунцзинь.

Старик, не умолкая, продолжал рассказывать о жите-бытье. Он был старостой Пинпу — крохотной деревушки в сотню душ, примостившейся у излучины реки Цзючжоу в уезде Цинши. Наводнения здесь случались и раньше, но они лишь приносили плодородный ил на поля, и жители сами латали дамбы. Однако в этот раз стихия оказалась беспощадной, стерев деревню с лица земли. Лишь благодаря бдительности старосты, который, заметив в полдень испуганно улетающих птиц, почуял неладное и погнал людей на возвышенность, им удалось спастись.

Крестьяне успели прихватить кое-какие пожитки и зерно, что и помогло им пережить первый, самый страшный месяц после катастрофы.

— Вы каждый день приходите нас проведать, да и чиновники, что раздают паёк, на редкость добры. Вы истинно благородный человек, — вздохнул старый староста, и в его мутных глазах

блеснула искренняя признательность.

Жун Цунцзинь лишь отмахнулся. На самом деле народу нужно не так уж много. Эти люди месяц провели в когтях смерти, теряя близких и надежду. Если бы не крайнее отчаяние, они никогда не посмели бы роптать на власть. «Вода может нести лодку, а может и перевернуть её» — если бы четвёртый принц понимал, что Поднебесная — это не только дворцовые интриги, но и миллионы таких вот жизней, он давно бы одержал верх над наследным принцем.

Жун Цунцзинь опустил веки, скрывая свои мысли. По правде говоря, его не заботили ни дела двора, ни судьбы этих беженцев. Он трудился не покладая рук, не зная сна и отдыха, лишь ради того, чтобы сберечь лишний серебряник в казне и лишнее зерно в амбарах. Он хотел, чтобы народ не роптал, а с благоговением взирал на Ванцзин.

Серебро, зерно и преданность народа — вот те камни, что лягут в основание трона наследного принца. Когда наступит эпоха процветания и императорский престол будет непоколебим, только тогда он и Гу Чжао смогут обрести покой.

Он не был добряком. Жизни десятков тысяч людей никогда не тяготили его сердце. Жун Цунцзинь обернулся и посмотрел вдаль, где на высоком бамбуковом шесте была водружена голова окружного чжэньчэна Ичжоу. За несколько дней под палящим солнцем плоть на ней иссохла и потемнела, а в пустых глазницах и между застывшими губами суетливо сновали мухи.

Жун Цунцзинь бесстрастно созерцал это зрелище, пока староста за его спиной продолжал:

— Эти важные господа при жизни были такими грозными... Я-то за всю жизнь выше нашего уездного судьи никого не видел. Чжэньчэн-лаоэ казался мне небожителем, я и представить не мог, три ли у него головы или восемь рук...

— Теперь вы видите, — с холодным смешком бросил Жун Цунцзинь.

— Они все боятся вас. Вы — хороший чиновник, — после недолгой паузы добавил старик.

— Нет, — Жун Цунцзинь покачал головой. — Они боятся не меня, а острого клинка в моих руках.

В смутные времена сталь внушает больше трепета, чем власть. Именно поэтому, ещё не достигнув границ Ичжоу, он по тайному приказу наследного принца велел военному комиссару стянуть войска. Это охладило пыл местных чинуш и заставило их забыть о корыстных помыслах. Лишь полное подчинение давало им призрачный шанс на жизнь.

— Я пришёл к вам по делу, — Жун Цунцзинь снова повернулся к старосте и заговорил мягче. — Сейчас обстановка в Ичжоу стабилизировалась. Когда вода ещё немного спадёт, нужно будет

заново строить жильё. К тому времени мне уже пора будет возвращаться в Ванцзин.

Седовласый старик понурился. Ему было едва за шестьдесят, но годы тяжкого труда согнули его спину, сделав похожим на дряхлого деда.

— Наводнения в Ичжоу случаются испокон веков. Пройдёт несколько лет, и беда вернётся, — тихо произнёс Жун Цунцзинь.

— А что тут поделаешь? — староста горько усмехнулся и сложил руки в поклоне. — К тому времени меня, верно, и в живых не будет. Ичжоу суждено из поколения в поколение страдать от воды. Остаётся лишь надеяться, что тогда Ванцзин снова пришлёт такого же справедливого и деятельного господина, как вы.

Только тогда у его маленького внука будет шанс выжить.

— А что, если я знаю способ, как обуздать реку и разорвать этот круг?

Староста широко раскрыл глаза, не веря своим ушам. Он ждал, что это окажется шуткой, но Жун Цунцзинь смотрел на него предельно серьёзно, и в его чистом взгляде не осталось и следа от прежней улыбки.

— Мы сделаем всё, что прикажете! — без тени сомнения выпалил старик. — Хоть дамбу собой затыкать пойдём!

— Зачем же собой, — рассмеялся Жун Цунцзинь. — Я лишь хотел спросить: согласны ли крепкие мужчины из вашей деревни помочь мне в деле?

Это означало трудовую повинность. В Ичжоу каждые несколько лет сгоняли народ на ремонт дамб — уходили многие, возвращались единицы. Людей часто заставляли вкалывать на личных стройках чиновников, и здоровые мужики за пару месяцев превращались в тени, обтянутые кожей, не способные подняться с постели. Таков был заведённый порядок.

Однако староста не колебался. Этот важный господин из столицы не был похож на местных стяжателей. Если кто и мог положить конец бедам Ичжоу, то только этот статный юноша.

— Лао Лю, Шитоу, Сяо Саньцзы... — староста выкрикнул имена нескольких десятков крепких мужчин. — Ступайте с господином усмирять реку!

Услышав это, названные крестьяне замялись. Спустя мгновение вперёд вышел рослый, мускулистый мужчина и неловко поклонился:

— Ваша милость, не то чтобы мы не хотели идти за вами... Но ведь вода ещё не ушла. В такую

пору работу не начинают.

— Паёк будет выдаваться исправно, еда для рабочих — за счёт казны. И сверх того — по одной связке монет каждому в день, — спокойно произнёс Жун Цунцзинь.

Эти слова мгновенно переменяли настрой толпы. Люди переглядывались, и в их глазах вспыхнул живой интерес. Деревня Пинпу стояла в низине, и даже в обычные годы поля часто подтапливало. Опытные люди понимали, что в этот раз вода полностью уйдёт лишь к осени. Урожай этого года погиб, так что возможность заработать серебра была для них спасением.

— Хорошо! Мы пойдём с вами! — гулким басом ответил вожак.

Всего за один день Жун Цунцзинь собрал десятитысячное войско рабочих. К расчистке русла он подошёл не так, как прежние чиновники, что лишь латали дыры, набивая карманы выделенным серебром. Он разделил русло Цзючжоу на десятки участков и начал работы с верховьев.

Используя силу самой воды для размыва размякшей почвы, рабочие вскрывали старые дамбы, и дело спорилось.

В местах, где чаще всего скапливался ил, Жун Цунцзинь применил иную тактику. Вместо того чтобы просто углублять дно, он велел выкладывать берега камнем, сужая русло. Это заставляло поток ускоряться, и стремительная вода сама вымывала песок и грязь со дна.

Поскольку окрестные деревни и так лежали в руинах, Жун Цунцзинь не стеснял себя прежними границами. Он прокладывал путь воде согласно своим чертежам и воссозданной карте водных жил, не заботясь о том, чтобы огибать старые пепелища.

Благодаря умелому использованию сил природы, уже через несколько дней работа по переустройству Цзючжоу принесла первые плоды. Вода в верховьях начала спадать, и из-под неё впервые после потопа показали плодородные земли.

Рабочие, сами бывшие жителями Ичжоу, видя такой успех, трудились с удвоенной силой. Раньше ремонт дамб был для них каторгой, от которой прятали сыновей, боясь произвола властей. Теперь же всё изменилось: некоторые даже призывали своих жён и сестёр на подмогу — не ради денег, а чтобы поскорее закончить великое дело.

Жун Цунцзинь тоже не сидел без дела. Как только жирный чернозём показывался из-под воды, он вместе со старейшинами и местными знатоками, сверяясь с уездными записями, заново делил землю и намечал места для будущих поселений.

Закат тонул в воде, окрашивая волны в багрянец и золото, и это сияние отражалось в небесах, дрожа на гребнях зыби.

Когда на землю опустились прохладные сумерки и взошла луна, Жун Цунцзинь верхом отправился обратно в павильон Сунцзянь.

— Господин! — Фу Тун едва успела подхватить его. Жун Цунцзинь почти не мог держаться в седле. Служанка подставила деревянную скамью и, поддерживая его под руки, буквально дотащила до комнаты.

— Разве командир Цинь не сопровождал вас? Он уже освоился в Ичжоу, почему бы вам не поручить все эти разъезды по полям и весям ему? — с горечью в голосе говорила Фу Тун, усаживая его на край постели и подавая горячий чай. — Вы ведь знатного рода, как можно так изводить себя... Если бы...

— Если бы князь узнал, он бы очень расстроился, — тихо закончила она, поджав губы.

При упоминании Гу Чжао в глазах измученного Жун Цунцзиня вспыхнул мягкий, живой свет. Он снял промокшие сапоги и поставил босые ноги на деревянный настил у кровати.

— Он столько лет хранил верность памяти обо мне, — хрипло проговорил он. — Сделал всё, чтобы мы были вместе. Я тоже могу постараться ради него.

— Да разве князь в этом что-то смыслит? — Фу Тун осторожно помогла ему снять верхнюю одежду. — Ему бы только, чтобы вы были рядом, в поместье. Тогда бы он и был счастлив.

Жун Цунцзинь покачал головой. Он не хотел быть для Гу Чжао просто игрушкой или спутником для забав. Князю нельзя было много думать, а значит, он, Жун Цунцзинь, должен был думать за двоих, взвалив на свои плечи бремя забот, чтобы вымостить для Гу Чжао ровную и светлую дорогу в будущее.

В окно дважды вежливо постучали.

— Кто там ещё? — удивилась Фу Тун и открыла створку. В комнату влетел золотой орёл. Он коротко встряхнул крыльями, окинул взглядом скромное убранство спальни и, плавно прорезав воздух мощными крыльями, опустился на кровать.

Фу Тун лишь успела заметить золотистый всполох, и вот уже на одеяле сидел статный красавец-орёл с золотым оперением.

— Почему прилетел ты? — Жун Цунцзинь, удивлённый и обрадованный, не удержался от вопроса. Птица скосила на него глаз и склонила голову, постукивая клювом по бамбуковому тубусу на лапе. Жун Цунцзинь поспешно отвязал его и, соскабливая восковую печать ножом,

велел служанке: — Скорее, принеси ему воды и еды.

В Ванцзин улетела орлица, а вернулся самец, который никогда прежде не бывал в Ичжоу. Оставалось лишь гадать, как эти двое договорились между собой.

Фу Тун принесла мясо и блюдо с чистой водой. Орёл, казалось, остался доволен приёмом и, сложив крылья, неспешно принялся за трапезу на письменном столе.

Жун Цунцзинь развернул узкую полоску шелка. Едва увидев первые строки, он невольно рассмеялся.

Гу Чжао умел писать, но его почерку не хватало твёрдости. Иероглифы были крупнее обычных, выходили кругленькими и пухлыми, и в каждой черте чувствовалось необычайное старание. Жун Цунцзинь воочию представил, как Гу Чжао сидит в кабинете княжеской резиденции Жуй, оберегая свой нефритовый горшок со сверчками, и, склонив голову, выводит букву за буквой.

Сначала Гу Чжао отвечал на его заботу, сообщая, что Би Тао присматривает за ним очень хорошо. Вот только она, словно принцесса-консорт, вечно поучает его: стоит съесть лишнюю чашку ледяного десерта и схватить несварение, как она принимается ворчать. Это всегда напоминает ему о его супруге, что сейчас далеко в Ичжоу. Госпожа маркиза Динъюань нашла для него сверчка — тот на целую голову выше Генерала Золотая Броня, и на спине у него тоже золотые узоры. Матушка-императрица, узнав, что супруг уехал по делам наследного принца, забрала его во дворец на пару дней.

В покоях всё по-старому, но он, гуляя по императорскому саду, всякий раз вспоминает их встречу. Иногда он даже забирается в самую гущу цветов и сидит там в одиночестве. А когда возвращается, Би Тао видит испачканную одежду и снова начинает ворчать, и это опять напоминает ему о супруге...

Гу Чжао деликатно жаловался, что Би Тао держит его в слишком ежовых рукавицах, и он уже почти не может этого терпеть. Жун Цунцзинь не сдержал улыбки. Когда он был дома, князь очень любил обеих его служанок. Хотя Би Тао и не была так близка ему по духу, как Фу Тун, она была рассудительна, и князь её ценил. Не прошло и полумесяца, как он уже шлёт жалобы в Ичжоу. Если бы Би Тао тоже могла написать письмо, она наверняка обвинила бы князя в упрямстве.

К концу письма круглые иероглифы стали более размашистыми, будто автору не хотелось заканчивать послание.

«В прудах дворца Юннин расцвели лотосы, даря прохладу, но я всё время думаю о тебе...
Посылаю тебе лепесток, жду твоего возвращения»

Улыбка Жун Цунцзиня на миг застыла. Кончики пальцев нежно коснулись слова «возвращение», и сердце его наполнилось щемящей тоской. Телом он был в Ичжоу, но душа

его уже улетела за тысячи ли. На мгновение он даже пожалел: зачем он столько планирует, зачем столько делает? Не лучше ли было просто жить спокойной жизнью в резиденции Жуй, как и советовала Фу Тун?

Жун Цунцзинь перевернул тубус, и на его ладонь выпал подсохший лепесток лотоса. Белоснежный, с пожелтевшими краями, он всё ещё хранил едва уловимый аромат. Казалось, через этот лепесток можно почувствовать тепло ладони Гу Чжао, когда тот любовался этим маленьким сокровищем.

<http://bllate.org/book/13698/1587304>